19.04.2021 20:10:00

Правозащитники используют голодовку Навального в интересах всех заключенных

Оппозиционера собираются принудительно накормить согласно инструкции 1958 года

Екатерина Трифонова
Корреспондент отдела политики "Независимой газеты"

Тэги: правозащита, фсин, уис, гуманизация, заключенные, права, навальный, голодовка, принудительное питание

Все статьи по теме "Инцидент с возможным отравлением Алексея Навального"

Администрации СИЗО и колоний имеют право силой накормить человека, который отказывается от еды. Фото PhotoXPress.ru

Группа правозащитников направила министру юстиции Константину Чуйченко и главе Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) Александру Калашникову очередной пакет предложений по гуманизации уголовно-исполнительной системы (УИС). Среди них есть инициатива разрешить заключенным проводить мирные акции протеста в случае нарушения их прав. Сейчас большинство выступлений в колониях практически сразу перерастают в бунты, которые жестко подавляются, а значит, редко приводят к решению проблем. Даже самая неконфликтная форма выражения недовольства – голодовка пресекается, по сути дела, пыточным способом принудительного кормления. Причем это вполне законная мера, а все дело в том, что ФСИН действует по инструкциям, которые не менялись с 1958 года.

Поборы и коррупция, унизительные условия содержания, насилие – все это не редкость для российских СИЗО и колоний, напомнили правозащитники Минюсту и ФСИН. И указали на то, что у заключенных на практике нет действенных способов защищать свои права и жаловаться на злоупотребления, а суды, за редким исключением, принимают сторону тюремных администраций. Потому люди вынужденно идут на крайние меры, устраивая за решеткой массовые беспорядки и даже бунты. На это недовольство сотрудники УИС оперативно реагируют силой и спецсредствами. Сила применяется даже против самого тихого протеста вроде голодовки – это принудительное кормление.

Например, Алексей Навальный решил голодать против того, что ему не оказывают должную медицинскую помощь. Как уверяют сторонники оппозиционера, ему сразу же пригрозили принудительным кормлением с использованием смирительной рубашки и «прочих радостей». «Сегодня утром надо мной стояла женщина-полковник и говорила: ваш анализ крови

свидетельствует о серьезном ухудшении здоровья и риске. Если вы не откажетесь от голодовки, то мы готовы перейти к принудительному кормлению уже сейчас», – написал Навальный в своих соцсетях.

Поэтому правозащитники считают, что у заключенных все-таки должно быть право на мирные выступления против нарушения их прав. Чтобы можно было бы сигнализировать о проблеме, вызвав общественный резонанс, но в то же время избежать конфронтации с администрацией учреждения. В письме Минюсту и ФСИН предлагается «подготовить нормативно-правовую базу для возможности мирного массового протеста содержащихся под стражей и осужденных для обеспечения права людей протестовать против совершенных в отношении них преступлений: произвола, коррупции, пыток и т.д.». Возможно, считают общественники, даже стоит позволить осужденным создавать профсоюзы. Как заявил «НГ» руководитель Комитета против коррупции и пыток Gulagu.net Владимир Осечкин, «людям в застенках нужно предоставить право и методы эффективной правовой защиты, в том числе законного права на мирный протест». А сейчас, подчеркнул он, заключенные не могут ничего, кроме как объявлять голодовки, резать вены и прочими способами портить свое здоровье.

Одновременно в письме Чуйченко и Калашникову говорится о необходимости разработать новый регламент по обеспечению безопасности и неприкосновенности заявителям о преступлениях из числа заключенных.

Еще одно предложение – создать в рамках Главного оперативного управления ФСИН специальный отдел по раскрытию преступлений, совершенных в отношении подследственных, подсудимых и осужденных. Но с условием, что заниматься подобными расследованиями будут сотрудники оперативных подразделений, ранее не проходивших службу в УИС и не имеющих внеслужебных связей с сотрудниками ФСИН.

Как подтвердил «НГ» адвокат Алексей Гавришев, все доступные формы протеста заключенных связаны с их членовредительством и причинением физического вреда самим себе. Но их никак нельзя назвать эффективными. Так же и принудительное кормление, по словам Гавришева, не что иное, как пережиток ГУЛАГа, которое «не урегулировано никакими современными российскими законодательными нормативными актами, но по какой-то причине применяется до сих пор». Сотрудники ФСИН руководствуются недействующими советскими приказами и кормят осужденных по нормам 1958 года. Зачастую используются наручники или смирительные рубашки. То есть это «методы принуждения к отказу от голодовки», заметил Гавришев. Иными словами, такие действия вполне можно считать пыткой. И в 2015 году именно на это упирал в своем обращении в суд один из российских заключенных. Он пожаловался на то, что в него насильно вливали бульон, сваренный из такого мяса, которое его религия запрещает принимать в пищу. Таким образом, действия тюремщиков никак не могли быть продиктованы чувством гуманизма.

Впрочем, Гавришев сомневается, что власти прислушаются к доводам правозащитников и жалобам заключенных, поскольку «в настоящее время протесты как явление не приветствуются ни на свободе, ни уж тем более за решеткой». Председатель Комитета родственников заключенных Елена Брылякова рассказала «НГ» о «почти ежедневном получении писем с опасениями, что тот или иной заключенный не выдержит прессинга и измывательств и наложит на себя руки». С каждым годом, заявила она, ситуация во ФСИН ухудшается, так что вполне закономерно, что «в условиях безнадежности сидельцы готовы бунтовать и устраивать погромы, они не видят альтернативных и эффективных методов протеста».

Как отметила представитель коллегии МКА «Апостериори» Татьяна Артемова, если Россия является правовым государством, то оспаривать действия должностных лиц по идее нужно в рамках правового поля, «к коему относятся суды, в том числе ЕСПЧ». Но такая защита, как правило, растягивается на длительный, а порою и неопределенный срок, подтвердила она. Именно эту ситуацию и надлежит изменить, чтобы доступ к правосудию носил своевременный, открытый, гласный и публичный характер», считает эксперт. А формы выражения заключенными своего недовольства малоэффективны и де-юре, и де-факто. И, конечно, по мнению Артемовой, структура ФСИН сама по себе нуждается в реорганизации – законы и инструкции, регламентирующие деятельность УИС, безнадежно устарели. «Изменение условий, в которых содержатся лица,

привлеченные к уголовной ответственности или отбывающие наказания, возможно, и приведет к тому, что им не понадобится участвовать в протестах, а также подвергать свое здоровье риску вынужденного голодания», – подчеркнула Артемова.

«Подавляющее большинство случаев отказа от приема пищи происходит в СИЗО, они связаны с несогласием подозреваемых (обвиняемых) с ходом и результатами предварительного расследования. Факты отказа от приема пищи заключенных на практике встречаются, хотя и носят единичный характер», – сказал «НГ» адвокат Вадим Постанюк. В ст. 101 Уголовно-исполнительного кодекса (УИК) закреплено, что «в случаях отказа осужденного от приема пищи и возникновения угрозы его жизни допускается принудительное питание осужденного по медицинским показаниям». В законе, который регулирует содержание людей в СИЗО, уточняется, что принудительное кормление должно применяться на основании письменного заключения врача и в присутствии медработника, однако данный закон не имеет прямого отношения к УИК. То есть из этих законодательных положений непонятно, каким образом будет регистрироваться факт отказа или уклонения от приема пищи. И никаких подзаконных актов, содержащих подробную информацию по данному вопросу, не существует, заверил эксперт. «Протестные действия заключенных, например, в виде голодовок как метода борьбы за свои права выливаются в массовые выступления против произвола и жестокости в отношении осужденных со стороны представителей администрации, а впоследствии это может перерастать в забастовки и отказы от выхода на рабочие объекты», – напомнил Постанюк. Он уверен, что необходимо разработать комплекс мер по дисциплинарной ответственности руководителей и личного состава учреждений ФСИН в случае совершения там преступлений против жизни и здоровья заключенных, а также пыток и принуждения к самооговорам.